

сударственных должностей в Херсонесе. Но поскольку в надписи в честь Агасикла должность агораномы в числе других перечисленных должностей, которые занимал Агасикл, стоит на последнем месте, можно считать, что должность агораномы в государстве считалась не первостепенной. Астиномов же, как уже отмечалось, лапидарные надписи вовсе не упоминают. На должность астинома, так же как и на другие государственные должности, выбирали богатых граждан республики, каким был, например, Гимн, сын Скифа¹, и можно думать, что функции астиномов в Херсонесе были такими же, как и в других городах. Но в Херсонесе деятельность астиномов была несколько расширена, так как город являлся крупным центром говчарного производства и, будучи приморским городом, вел оживленную торговлю. Поэтому астиномы должны были следить как за изготовлением тары и черепицы, так и за их экспортом.

В. В. Борисова

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖЕНИИ НИМФЕЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ V В. ДО Н. Э.

До опубликования в 1935 г. покойным акад. С. А. Жебелевым статьи под названием «Афины, Нимфей и измена Гилона»² общепринятой была точка зрения немецких ученых Кёлера и Кирхгофа, которые рассматривали Нимфей второй половины V в. до н. э. как афинское владение. С. А. Жебелев подверг всесторонней критике все источники, привлекавшиеся сторонниками этой гипотезы, и в результате пришел к выводу, что Нимфей не входил в первый Афинский морской союз, а Гилон, дед знаменитого афинского оратора Демосфена, не предавал Нимфея Спартокидам, но был представителем Афин на Боспоре по закупке и экспорту хлеба (ук. соч., стр. 27 и 35 сл.). Точка зрения С. А. Жебелева была признана убедительной как советской наукой, так и за рубежом³.

Однако в 1939 г. американские и английские историки Меритт, Уэйд-Герри и Мак-Грегор выступили с голословным утверждением, что гипотеза Жебелева «основана не на свидетельствах [источников], но на предвзятом убеждении в невероятности того, чтобы город в Крыму мог быть обложен податью»⁴. Меритт и соавторы безапелляционно утверждали, что Нимфей входил в Афинский морской союз и притом был в составе якобы существовавшего Евксинского податного округа.

Точка зрения Меритта и его соавторов основана не на новом анализе всей совокупности источников, а единственно только на их собственном восстановлении фрагмента надписи (фрагмент № 38), содержащей список форося афинских союзников за 425/4 г. до н. э., который был опубликован Мериттом и Уэстом в 1934 г.⁵ (см. рис. 1).

Во второй строке этого фрагмента сохранились буквы ЕКТОЕ. Уэст и Мерритт

¹ Б. Н. Грак о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях, ВДИ, 1939, № 3, стр. 249.

² С. А. Жебелев, Боспорские этюды, II, ИГАИМК, вып. 104 (1935), стр. 24 сл.

³ В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, 1949, стр. 53 и 176 сл.; М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, СА, XVI (1952), стр. 232 сл.; Б. Н. Грак о в, Материалы по истории Скифии в греческих надписях..., ВДИ, 1939, № 3, прим. к № 1; E. Diehl, RE, Suppl. VI, s. v. Nymphaion.

⁴ В. D. Meritt, H. T. Wade-Gery, M. F. McGregor, The Athenian Tribute Lists, т. I, Cambridge, 1939, стр. 528. Во II и III томах этой работы (Princeton, 1949 и 1950) авторы остаются на старой точке зрения.

⁵ В. D. Meritt а. А. В. West, The Athenian Assessment of 425 B. C., Ann Arbor, 1934, стр. 26, 29, 68 и табл. Ср. ATL, I, стр. 116 (фото) и табл. XXIII; ATL, II (1949), стр. 46, 126 сл.

восстанавливают это место как $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\varsigma\} \acute{\epsilon}\kappa\ \tau\acute{o}\ \epsilon\upsilon\{\chi\sigma\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron$, считая это восстановление единственно возможным и бесспорным (ATL, I, стр. 528). Однако от последней буквы второй строки фрагмента сохранилась лишь незначительная часть снизу, и поэтому нельзя категорически утверждать, что это υ^1 . Изучение фотографий ряда фрагментов всей надписи показывает, что υ , находящийся над омикроном, как в интересующем нас фрагменте, а также над другими буквами, всегда расположен или точно над центром нижестоящей буквы, или же имеет тенденцию к отклонению влево, т. е. к предстоящей букве (см. фото фрагментов №№ 1, 5, 8, 9, 10, 13, 14, 16, 19, 36 у Мерритта и Уэста), но никогда не отклоняется вправо. Это необходимо резчику для сохранения стойхедона, который чрезвычайно строго соблюдается в надписи. Если

Рис. 1

же допустить, что в данном случае резчик сделал исключение, то оказался бы нарушенным строгий порядок букв по вертикали, так как в таком случае υ неизбежно должен был бы выйти за пределы ряда. Нельзя тогда согласиться и с тем, что за υ следует χ , так как расстояние между этими буквами оказалось бы значительно меньшим, чем расстояния между буквами во всей надписи, которые тоже весьма строго соблюдаются. На основании же одного этого эпсилона при более чем сомнительном ипсилоне вряд ли можно признать правомерным восстановление $\epsilon\upsilon\{\chi\sigma\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron$.

Кроме того, восстановление $\epsilon\upsilon\{\chi\sigma\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron$ неубедительно и потому, что для обозначения Черного моря одно слово $\epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ обычно не употреблялось. В тех редких случаях, когда некоторые поздние авторы употребляют только $\epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ (Strabo, XI, 1,5; Arr., XI, 4), в контексте обычно содержится и полное название Черного моря — $\rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$. Следует к тому же учесть, что между временем, когда писали Страбон и Арриан, и временем надписи лежит целая эпоха в пять-шесть веков. В более же ранних источниках употребление $\epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ для обозначения Черного моря не засвидетельствовано². Обычно греки, как известно, писали или просто $\rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma$ или же $\rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma\ \epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, $\rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma\ \acute{o}\ \epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$, $\epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma\ \rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma$. Вообще по правилам греческой грамматики нельзя сказать $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\kappa\ \tau\acute{o}\upsilon\ \epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\upsilon\varsigma$ «города из Евксины», а можно сказать только $\rho\acute{o}\lambda\epsilon\varsigma\ \acute{\epsilon}\nu\ \tau\acute{o}\rho\ \rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma$ «города в (на) Понте».

¹ Кирхгоф, опубликовавший этот фрагмент в CIA, I (1873), 225 t, не видел никакой буквы после второго ϵ ($\epsilon\kappa\tau\omicron\epsilon\ldots$).

² Исключение составляет один случай у Аристотеля (Meteor., II, λ), но и там $\epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ служит объяснением к $\rho\acute{o}\nu\tau\omicron\varsigma$ в предшествующей фразе. Все предложение с $\epsilon\upsilon\{\xi\epsilon\acute{\iota}\nu\omicron\varsigma$ взято издателями в скобки и, вероятно, является интерполяцией.

Мейстерханс указывает, что посредством ἐκ с родительным падежом нельзя соединять какой-либо коллектив с географическим определением, если это последнее по своему характеру не создает условий для жизни там данного коллектива¹. Невозможно сказать πόλεις ἐκ τοῦ Εὐξείνου или ἐκ τοῦ Εὐξείνου Πόντου — города из Евксина, или Евксинского Понта, т. е. из моря, так как употребление Εὐξείνος Πόντος, а тем более одного Εὐξείνος в распирительном смысле, в смысле области, подобно расширительному словоупотреблению Πόντος, ни в эпиграфических памятниках, ни в литературных или исторических текстах, насколько известно автору, не засвидетельствовано.

Относительно существования в составе Афинского морского союза Понтийского, а тем более Евксинского податного округа нет никаких сведений. Отсутствие такого округа подтверждается и надписью, к которой относится интересующий нас фрагмент. В ней говорится, что афинское народное собрание постановляет послать двух послов в Ионию и Карию и по два посла во Фракию, Геллеспонт и на Острова (стк. 5—7 Meritt a. West, ук. соч., стр. 44). Меритт тем не менее объединяет понтийские города, якобы входившие в состав союза, в самостоятельный Евксинский округ. «Теперь этим вопросам (а именно, в какой же округ могли быть включены крымские города, если бы они входили в союз. — И. В.) положен конец, — пишет Меритт, — бесспорными словами в A9, IV, 126 Πόλεις ἐκ τῶ Εὐ[χ]είνου: Евксин в A9 составлял самостоятельный список» (ATL, I, стр. 528). Более того, в конце списка городов, относимых к Евксинскому податному округу, Меритт и Уэст восстанавливают, не располагая ни единой буквой, — [Ποντικῶ φόρο κεφάλαιον] «итого (всего) Понтийского фороса», сами ставя под сомнение свое восстановление Εὐξείνος. Почему Понтийского, а не Евксинского? Очевидно, сами авторы чувствуют неправдоподобность употребления Εὐξείνος по отношению к Черному морю².

Таким образом, следует признать, что восстановление, предложенное Уэстом и Мериттом, не может быть признано убедительным.

Последняя буква второй строки фрагмента скорее может быть сигмой, которая в некоторых случаях в надписи имеет отогнутый книзу конец (см. фото фр. 10, 17, 18 у Меритта и Уэста). Это предположение подкрепляется и тем, что, как нам кажется, остаток буквы, сохранившейся на фрагменте, образует не строго вертикальную линию, а слегка наклонен влево.

Если допустить, что последняя буква может быть сигмой, то наиболее вероятным восстановлением последнего слова второй строки фрагмента было бы ἐσ[χ]άτο³. Одним

¹ K. Meisternans, *Grammatik der attischen Inschriften* 2, 1880, § 83,4, стр. 173.

² К сожалению, восстановление Уэста и Меритта было некритически принято Т. В. Блаватской в ее диссертации «Западнопонтийские города в VII—I вв. до н.э.», М., 1947, рукопись, стр. 198. Автор указывает, что «среди податных городов фракийского округа ясно указаны [πόλεις] ἐκ τῶ Εὐξείνω Πόντο. Ср. она же, Западнопонтийские города в VII—I вв. до н.э., М., 1952, стр. 68 сл. При этом Т. В. Блаватская без всякой аргументации дополняет восстановление Уэста и Меритта словом Πόντο.

Д. П. Каллистов, *Измена Гилона*, ВДИ, 1950, № 1, стр. 28; ср. он же, *Очерки по истории Северного Причерноморья в античную эпоху*, Л., 1949, стр. 207, также считает восстановление Уэста и Меритта неоспоримым. Это привело автора к выводу, будто бы приводимые Мериттом «новые данные доказывают принадлежность Нимфея в течение некоторого времени к первому Афинскому морскому союзу» (стр. 36). При этом Д. П. Каллистов вслед за Т. В. Блаватской дополняет восстановление Уэста и Меритта словом Πόντο, ошибочно приписывая это дополнение Меритту (стр. 28). Это же восстановление принято и В. Д. Блаватским, *Архавческий Боспор*, МИА, вып. 33 (1954), стр. 25, прим. 4, который считает его «окончательно решающим «вопрос об уплате афинянам фороса многочисленными припонтийскими городами».

³ Восстановление ἐσ[χ]άτο предложено акад. [В. В. Струве, которому пользуюсь случаем выразить свою благодарность за помощь и советы.

из распространенных значений слова ἔσχατος является «крайнее владение, предел самое отдаленное (от города) место». Так, например, Фукидид (II, 96), современник надписи, говоря о племенах, населявших самые отдаленные области государства Ситалка, употребляет выражение: ἔσχατοι τῆς ἀρχῆς ὅτοι ἦσαν¹. Всю же строку фрагмента можно было бы восстановить как φόρος] ἐκ τῶ ἐσ[χάτο (τῆς ἀρχῆς или τῆς θρακῆς «форос из крайних владений (державы или Фракии)»². Если предложенное восстановление оказалось бы правильным, то можно было бы ясно представить крайние границы владений Афинского государства в этот период. В последующих строках фрагмента содержатся названия гераклеотов (Ἡρακλειότ[αι]) и Аполлонии (Ἀπολλωνία). Очевидно, имеются в виду Гераклея Понтийская и Аполлония на западном побережье Понта. По всей вероятности, крайними владениями Афинской державы были города Южного и Западного Причерноморья, прилегающие к черноморским проливам. Северное Причерноморье, в частности крымские города, не входило в состав Афинского союза! Нет решительно никаких данных, а тем более «новых данных», позволяющих сделать противоположный вывод.

Захватнические устремления Афин на северо-востоке не шли дальше районов, прилегающих к черноморским проливам. Перикл, как известно, был противником захвата слишком отдаленных от Афин районов (Plut., Per., 21; Thuc., II, 65, 7).

Обычно принято считать, что Перикл во время своей известной морской экспедиции в Понт посетил и города Северного Причерноморья. Так, например, С. А. Жебелев (ук. соч., стр. 25) отмечает, что хотя Плутарх сообщает только о действиях Перикла в Южном Причерноморье, «более чем вероятно», что он побывал и на северном берегу, в частности на Боспоре. В. Д. Блаватский (ук. соч., стр. 26 и 41) идет еще дальше. Он уже определенно связывает с этой экспедицией «захват» афинянами Нимфея и полагает, что этот город постигла та же участь, что и Амис. Нимфеей отождествляется им с известным по нумизматическим данным боспорским городом Аполлонией, которая якобы была переименована афинянами в Нимфей, подобно тому, как Амис в Пирей. Аналогия с Амисом-Пиреем является малоубедительной и скорее свидетельствует против тезиса В. Д. Блаватского. Известно, что Амис носил название «Пирей» только в течение времени его принадлежности Афинам. Как только город освободился от владычества Афин, он восстановил свое прежнее название Амис (RE, I, стб. 1839). В Нимфее мы ничего подобного не обнаруживаем, и нет никаких данных, позволяющих признать «Нимфеей» новым названием Аполлонии и связывать это с захватом города афинянами во время экспедиции Перикла. Плутарх, единственный источник, свидетельствующий об экспедиции Перикла в Понт (Per., 20), не только не указывает на пребывание Перикла у северных берегов Черного моря, но подчеркивает его действия в Южном Причерноморье. Если бы Перикл приобщил к владениям Афин и города Северного Причерноморья, как это принято считать, то этот факт, как нам кажется, не мог остаться неотмеченным. Экспедиция Ламеха в Понт (424 г. до н. э.), о которой сообщает Фукидид (IV, 75, 1, 2), также достигла только Гераклея Понтийской.

Нам кажется, что Афины и не были заинтересованы в территориальных захватах в Крыму. Главной целью их северо-восточной политики было обеспечение контроля над черноморскими проливами путем территориальных захватов в районах, приле-

¹ Ср. употребление слова ἔσχατος у Thuc., IV, 43 и др.; Xen., Hell, II, 4,4; Suid.: ἔσχατία, ἔσχατον. В приведенном случае (Thuc., II, 96) ἔσχατοι употреблено в качестве прилагательного. В качестве существительного чаще употребляется ἡ ἔσχατία, но известны и случаи употребления τὸ ἔσχατον (или τοῦσχατον).

² Автор сознает, что предложенное восстановление является весьма спорным и сомнительным. Ввиду фрагментарности источника пока следовало бы вообще отказаться от попытки его восстановления. Мы считали, однако, нужным предложить свое восстановление главным образом для того, чтобы показать, что восстановление Уэста и Меритта не является «единственно возможным» и неоспоримым, как это за последнее время стало обычным считать, но возможно и иное восстановление.

гающих к проливам. Территориальные захваты в пределах Боспорского царства или в непосредственной близости от него могли привести к нежелательным для Афин, как по политическим, так и по экономическим причинам, столкновениям со Спартокидами. Северное Причерноморье интересовало Афины постольку, поскольку оно было важнейшим поставщиком пшеницы и других товаров, в частности рабов. Контроль над выходом из Понта и неизменно дружественные отношения с боспорскими царями в достаточной мере обеспечивали интересы Афин; для них было слишком большим риском иметь еще какие-то территориальные притязания в Северном Причерноморье¹.

Что касается известного фрагмента той же надписи 425/4 г., содержащего начальные буквы названий ряда городов. (Т..., О..., Кα., Кμ. и др.², которые некоторыми учеными восстанавливаются как названия черноморских городов, то следует отметить, что ни одно из предложенных восстановлений не может считаться достоверным. Иных же доказательств принадлежности этих городов к Афинской державе нет. При допущении возможности предложенных восстановлений чрезвычайно странным остается порядок расположения городов в списке. За городом Северного Причерноморья следует город южного берега, затем снова северного, западного и т. д. В надписи восстанавливаются названия таких деревушек (например, Δα[υδίαη]), о которых в источниках нет вообще никаких сведений. Поэтому следует предпочесть точку зрения С. А. Жебелева, полагающего, что указанные города не относились к Причерноморью, во всяком случае к его северному берегу.

Обычно принято считать, что на Северном Причерноморье Афинам принадлежали основанные якобы ими Афиноем (между Киммериком и Феодосией) и Стратоклея (на Таманском полуострове). О первом имеются упоминания в периплах, единственное упоминание о втором содержится у Плиния Старшего (NH, VI, 18). Афиноем признается колонией афинян на основании его названия. Однако следует отметить, что нам известны города того же названия (в Аркадии и Эпире), которые никогда Афинам не принадлежали и никакого отношения к ним не имели. Стратоклею принято считать владением Афин на основании неубедительного предположения, что город назван так по имени афинского архонта Стратокла, который якобы и вывел колонию на Таманский полуостров. Однако имя Стратокл было широко распространенным во всем греческом мире, и нет никаких данных, позволяющих считать, что название города связано именно с афинским архонтом³.

Таким образом, нам кажется, что нет основательных данных для признания всех упомянутых выше городов афинскими владениями.

Предлагаемое восстановление φόρος] ἐκ τῶ ἐρχάτο (τῆς ἀρχῆς) не противоречит и существованию пяти известных податных округов Афинского морского союза. Города, являвшиеся крайними владениями Афин, не образовывали самостоятель-

¹ К тому же следует отметить, что сбор форо́са для Афин был делом далеко не легким. Еще в то время, когда сумма форо́са составляла 460 талантов (Th u s., II, 13,3; 428/7 г.), сбор его был небезопасен (Th u s., III, 19). В 425/4 г. сумма взносов была повышена более чем втрое и достигла 1460 талантов. О возросших опасностях сбора форо́са повествует Фукидид (IV, 75). Дань взимали стратеги-аргирологи, оштрафившие на военный флот. Нельзя допустить, что Афины в разгар Пелопоннесской войны, когда им приходилось сосредоточивать все силы для борьбы в Эгейском районе, в проливах и на западе, могли располагать достаточными военными силами для сбора дани со столь отдаленных городов, как города Северного Причерноморья. Нет сомнений в том, что сбор дани с этих городов, если бы они входили в союз, был бы чрезвычайно затруднительным и опасным и потребовал бы огромных усилий со стороны Афин.

² См. Б. Н. Г р а к о в, Материалы..., № 1 и прим. к нему.

³ С. А. Жебелев, Северное Причерноморье, 1953, стр. 161, высказал предположение, что название Стратоклея, подобно названию Горгишии, стоит в связи с именем одного из членов династии Спартокидов.

ного округа, да и территориально не могли относиться к уже существующим округам. Они поэтому составляют как бы привесок к общему списку фороса.

Ввиду всего сказанного следует еще раз обратиться и к давно известному фрагменту того же списка фороса 425/4 г. (см. рис. 2), содержащему начальные буквы названий городов — членов Афинского морского союза¹. До пересмотра этого фрагмента Мериттом и Уэстом начальные буквы одного из городов читали ΝϚ, и еще Кёлер и Кирхгоф восстанавливали название города как ΝϚ[μφαιον]. Правда, ряд ученых впоследствии подвергали это восстановление справедливому сомнению, но многим оно все же казалось единственно возможным. В том, что вторая буква является ипсилоном, сомнения ни у кого не было.

Однако, как показали Меритт и Уэст, вторая буква в названии города не может читаться как ипсилон; есть все основания видеть здесь йоту². Таким образом, Меритт и Уэст сами подорвали то здание, которое они воздвигают³.

Меритт (ATL, I, стр. 157 и 526) предлагает как возможное восстановление названия города восстановление Νι[ψα] (название города, расположенного недалеко от Аполлонии и Месембрии и упоминаемого у Стефана Византийского).

Тем не менее Мерритт, отвергающий восстановление ΝϚμφαιον в списке фороса за 425/4 г., утверждает, что Нимфей входил в состав Афинской державы. На основании известной заметки из сборника псефисм Кратера в передаче Гарпократона о том, что Нимфей платил Афинам талант, он восстанавливается в списке фороса за 410/9 г. [ΝϚμφαιον: Τ]⁴. Но вряд ли можно считать убедительным это восстановление

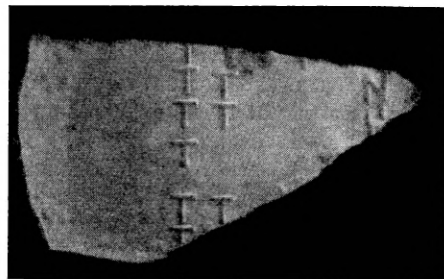

Рис. 2.

¹ См. Б. Н. Граков, *Материалы...*, №1; Меритт и Уэст, *ук. соч.*, стр. 28; ср. ATL, I, фр. № 39, стр. 116.

² Meritt a. West, *ук. соч.*, стр. 28 и 87; ср. ATL, I, стр. 528. Кстати, нелишним будет отметить, что приведенные фрагменты надписи были хорошо известны акад. С. А. Жебелеву, однако они лишь укрепили его уверенность в своей правоте. На полях его личного экземпляра отиска статьи «Боспорские этюды», хранящемся в библиотеке ЛОИИ АН СССР, собственной рукой С. А. Жебелева приписано в качестве дополнения к прим. 2 на стр. 27: «В 1934 г. эти ученые (Меритт и Уэст. — И. Б.) опубликовали результаты своих исследований этих обломков (B. D. Meritt and A. V. West, *The Athenian Assessment of 425 B. C.*). Относительно предложенного восстановления (Кёлера и Кирхгофа) ΝϚ[μφαιον] оказалось, что вторая из сохранившихся на камне букв не Ϛ, а скорее iota (стр. 28, 87)». О фрагменте № 38 С. А. Жебелев не пишет ничего, так как считает, что он не имеет отношения к Северному Причерноморью. Он отмечает лишь (на отдельном листке, вложенном в отиск), что дальше в списке следуют города, которые все относятся либо к Южному, либо к Западному Причерноморью. С. А. Жебелеву несомненно была известна и книга «*The Athenian Tribute Lists*», I, так как она поступила в БАН СССР 15 января 1940 г. Однако он, вероятно, не успел выдвинуть свои возражения против утверждений Меритта и его соавторов.

³ Д. П. Каллистову это, очевидно, осталось неизвестным. Он полагает, что если раньше восстановление ΝϚ[μφαιον] было сомнительным, то теперь, после появления новых данных (восстановленного Уэстом и Мериттом фрагмента № 38) это восстановление «более чем вероятно» (*ук. соч.*, стр. 28). В. Д. Блаватский, *Архаический Боспор*, МИА, вып. 33 (1954) стр. 25, также придерживается прежнего восстановления.

⁴ ATL, I, стр. 159; ср. ATL, II, стр. 45.

ние, так как заметка о Нимфее у Гарпократиона столь кратка и неясна, что на основании ее нельзя решить, о чем писал Кратер, имея в виду Нимфей, и идет ли речь вообще о боспорском Нимфее.

Чрезвычайно неубедительной представляется и точка зрения Меритта на время предполагаемой принадлежности Нимфея к Афинской державе. Он полагает, что Нимфей принадлежал Афинам с 410 г. и был ими утерян между 410 и 405 гг. (ATL, I, стр. 528), т. е. принадлежал Афинам в течение очень непродолжительного времени¹. Однако в это время Афины не располагали уже необходимыми силами для подчинения столь отдаленных от них пунктов. После сицилийской катастрофы 413 г. Афинам, как никогда ранее, был нужен понтийский хлеб, основную массу которого они получали от Спартокидов. Трудно предположить, чтобы Афины в это время могли добиваться покрытия своих потребностей в боспорском хлебе силой оружия. Положение было таковым, что расплыть свои и без того подорванные морские силы Афины не могли. Афинам были необходимы дружественные отношения с боспорскими царями более чем когда-либо. Может быть, именно в это время на Боспор и был послан Гилон с каким-либо специальным поручением, вероятнее всего в целях организации закупок и экспорта боспорского хлеба в широких масштабах.

Таким образом, как нам кажется, эпиграфический материал не прибавляет ничего нового в пользу вхождения Нимфея в состав Афинского союза. Отсутствие же упоминаний о Нимфее в списках афинских данников, как и общие соображения, основанные на анализе международного положения Афин того времени, подтверждают точку зрения С. А. Жебелева о невхождении Нимфея в состав союза.

Обратимся к монетам Нимфея. Все нимфейские монеты, которые нам известны, относятся к концу V — началу IV в. до н. э., т. е. ко времени предполагаемой принадлежности Нимфея Афинам.

Хорошо известно, что афинские союзники были лишены права собственной чеканки. Декрет 420 г. (SEG, III, 713) не только запрещал собственную чеканку монеты, но и вменял в обязанность обменивать всю иноземную монету на афинскую. Афиняне требовали, чтобы это постановление было высечено на каменной стене и выставлено на агоре во всех союзных городах, копия с него должна была быть написана на белой доске и выставлена эпистатами перед монетным двором каждого из городов. Более того, в случае, если какой-либо из городов не пожелал бы исполнить это требование, то афиняне сами ставили в нем копию постановления. Новый фрагмент этого постановления, найденный в 1933 г. на Косе, написан не на местном материале, а на пентелийском мраморе, т. е., по всей вероятности, привезен из Афин. К тому же текст надписи написан не на ионийском, а на аттическом диалекте. В случае же искажения надписи провинившийся город должен был уплатить штраф, присужденный ему в гелие фесмофетов².

Нимфейские монеты по стилю, фактуре, весовой системе чрезвычайно близки современным им монетам Пантикапея³. Такой авторитетный специалист, как

¹ Д. П. Каллистов полагает, что Нимфей пребывал в составе Афинского союза «в течение некоторого времени», а позднее, «в связи с изменившейся обстановкой», вышел из него (ук. соч., стр. 35). Но когда же это было? Основываясь на том, что Д. П. Каллистов находит упоминание Нимфея в списке форося за 425/4 г., надо полагать этот год датой *post qua pop.* Под изменившейся же обстановкой автор, очевидно, имеет в виду неудачу афинян в конце Пелопоннесской войны, т. е. последние годы V в. до н. э. Следовательно, Нимфей, по мнению Д. П. Каллистова, довольно долго пребывал в составе союза. Однако, как указывалось выше, Д. П. Каллистов исходит из неверного предположения, что название Нимфея имеется в списке 425/4 г. Поэтому, естественно, и его выводы не могут быть признаны убедительными.

² Наиболее полное восстановление надписи с учетом вновь открытых фрагментов и комментариев к ней см. M. Segge, *La legge ateniese sull'unificazione della moneta*, «Clara Rhodos», IX(1938), стр. 151 сл.

³ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, МИА, 16 (1951), стр. 164.

А. Н. Зограф, поэтому и приходит к выводу, что указанные выше особенности нимфейской монеты, сама кратковременность и чисто местный характер чеканки свидетельствуют против вхождения Нимфея в Афинский союз (там же).

Д. П. Каллистов (ук. соч., стр. 35—36) приходит к противоположному выводу, полагая, что именно факт начала собственной чеканки монеты Нимфеем в конце V в. говорит о выходе его за пределы Боспорского государственного объединения. Афины же, учитывая крайнее положение Нимфея, могли в данном случае отступить от своей обычной политики и разрешить Нимфею как чекан, так и пользование собственной монетой. Это предположение, по нашему мнению, является необоснованным. В самом деле, почему, следуя по тому же пути, не предположить, что и Пантикапей входил в состав Афинской державы, как, впрочем, это и делает английский ученый Робинсон? ¹ Ведь и по отношению к Пантикапею Афины могли отступить от своей политики. Однако нет никаких объективных данных, позволяющих сделать подобный вывод.

В то время, когда С. А. Жебелев опубликовал свою статью «Афины, Нимфей и измена Гилона», Нимфей систематическим археологическим раскопкам еще не подвергался, но начиная с 1939 г. на городище Нимфея ведутся раскопки экспедицией Государственного Эрмитажа, и в настоящее время мы располагаем уже значительным археологическим материалом, который может быть привлечен к решению рассматриваемого вопроса. Так, Д. П. Каллистов находит косвенное подтверждение вхождения Нимфея в состав Афинской державы в многочисленности афинской керамики VI и V вв. до н. э. в Нимфее (ук. соч., стр. 28) ². Однако, несмотря на многочисленность афинской керамики, М. М. Худяк, руководящий раскопками Нимфея, отмечает, что археологический материал Нимфея не дает доказательств в пользу принадлежности Нимфея Афинам ³.

И в самом деле, можно ли в наличии афинских изделий, даже если они преобладают, усматривать принадлежность Афинам того или иного, в данном случае боспорского, города? Разумеется, нет. Если руководствоваться таким признаком, то пришлось бы прийти к выводу, что и Пантикапей и прочие боспорские города, в которых в указанное время (V в. до н. э.) афинский материал преобладает, входили в состав Афинского морского союза. Однако этого никто не думает. К тому же следует добавить, что и для первой половины IV в., когда вхождение Нимфея в состав Боспорского царства никем не оспаривается, привозная посуда представлена преимущественно аттическими образцами краснофигурной и чернолаковой керамики ⁴. Обилие афинской керамики во второй половине V и начале IV в. указывает на оживленные торговые связи Нимфея с Афинами, на сравнительно высокую товарность хозяйства городов Боспора, в частности Нимфея, но не дает права делать иных выводов.

Таким образом, никаких новых данных о вхождении Нимфея в состав Афинского союза фактически нет, а те источники, которые имелись и раньше, не позволяют сделать такой вывод.

Однако мы все же имеем определенное свидетельство Эскина в речи против Ктесифонта (III, 171), указывающее на какие-то интересы афинян в Нимфее и на какую-то роль, которую в нем играл афинянин Гилон, дед знаменитого оратора Демосфена ⁵.

¹ E. S. G. Robinson The Athenian Currency Decree and the Coinage of the Allies, «Hesperia», Suppl. VIII (1949), стр. 336.

² Ср. М. М. Худяк, Работы Нимфейской экспедиции 1939 г., ТОАМЭ, I (1945), стр. 158; о н же, Работы Нимфейской экспедиции Государственного Эрмитажа, КСИИМК, VIII (1946), стр. 121, отмечает что для VI в. н. э. характерна ионийская, главным образом самосская, а также коринфская и навкратийская керамика.

³ М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, СА, XV (1952), стр. 233.

⁴ М. М. Худяк, Раскопки святилища Нимфея, стр. 279.

⁵ Т. В. Блаватская, ук. соч., стр. 68, почему-то полагает, что то место из речи Эскина против Ктесифонта, где говорится о Нимфее, свидетельствует о пребывании Перикла у северных берегов Понта и основании им в Нимфее афинской клерухии.

Все ученые единодушны в определении этой речи как крайне тенденциозной¹. Очень убедительная критика речи Эсхина дана акад. С. А. Жебелевым в его статье «Афины, Нимфей и измена Гилона». Поэтому мы попытаемся лишь дополнить критику С. А. Жебелева.

На процессе Ктесифонта в 330 г. до н. э. решался вопрос о правильности всей политической деятельности или Демосфена или его злейшего политического противника и личного врага Эсхина. Только учитывая это обстоятельство, и можно решить, заслуживают ли доверия слова Эсхина о том, что Нимфей некогда принадлежал Афинам и был предан Гилоном Спартокидам. Целью Эсхина было убедить афинян, что деятельность Демосфена не могла быть направлена на пользу государства (между прочим и потому, что со стороны своих предков по материнской линии он враг афинского народа (*πολέμιος τῷ δήμῳ*) и варвар, скиф, говорящий по-гречески (Aesch., III, 171—172). В достоверности этого места из речи Эсхина сомневался еще Плутарх (Dem., 4). Анализ Плутарховой биографии Демосфена, как нам представляется, может дать некоторые доводы против достоверности обвинения Эсхина. Плутарх называет имена восемнадцати авторов, трудами которых он пользовался при составлении биографии. Очевидно, ни у кого из них, кроме Эсхина, не было ничего сказано о Нимфее и «измене Гилона». Притом следует отметить, что ряд авторов, например Феопомп, на которого Плутарх особенно часто ссылается, относились к Демосфену резко отрицательно. Но и Феопомп, посвятивший особый отдел своей *φιλιππικά* афинским демагогам и определенно говоривший там о происхождении Демосфена (ср. Plut., Dem., 4), не дает основания Плутарху принять версию Эсхина о происхождении Демосфена по материнской линии. При этом нельзя утверждать, что Плутарх вообще не доверяет Эсхину. В ряде случаев данные, приводимые Плутархом, полностью совпадают с данными Эсхина², причем дважды (Dem., 12 и 22) он прямо ссылается на последнего.

В своей ответной речи Демосфен обходит молчанием нападки Эсхина на его происхождение, хотя в начале речи говорит, что ответит на эти и другие нападки, не имеющие отношения к делу, если судьи того пожелают (Dem., XVIII, 9). Очевидно, происхождение такого крупного государственного деятеля, как Демосфен, было афинской публике достаточно хорошо известно, и его утверждение, что афиняне знают и считают его и его предков гораздо лучшими, чем самого Эсхина и его предков (XVIII, 10), не вызывало сомнений. Но в речи против Афоба, произнесенной в 364/3 г., т. е. задолго до процесса Ктесифонта, Демосфен указывает, что его дед Гилон был государственным должником (*φύσει τε τῷ δημοσίῳ*). Из слов Демосфена можно сделать вывод, что Гилон последние годы своей жизни провел в Афинах, так как он сам погасил долг³. Если бы он был государственным преступником, бежавшим от казни, то вряд ли это было бы возможно.

Таким образом, слова Эсхина о том, что Нимфей «принадлежал» Афинам и Гилон его «предал», нельзя принимать на веру. Эсхин сознательно искажил здесь исторические факты или, по крайней мере, чрезвычайно сгустил краски, надеясь, что вряд ли кто-либо из афинян мог в точности знать и помнить о событиях, связанных некогда с Нимфеем, так как с тех пор прошло по меньшей мере лет 75—80⁴. Однако мы все же не вправе допустить, чтобы Эсхин мог полностью выдумать факт каких-то особых интересов афинян в Нимфее. Нимфей, по видимому, действительно в какой-то период времени представлял для Афин особый интерес, и афинянин Гилон играл в нем видную роль.

¹ См. С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 33; В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 176 сл.; Д. П. Каллистов, ук. соч., стр. 27.

² См., например, Plut., Dem., 12, 14, 20, 22; ср. Aesch., III, 52, 77, 152, 156, 187.

³ Ср. A. Schaefer, Demosthenes und seine Zeit, I², стр. 267.

⁴ Например, Демосфен (XVIII, 50) указывает, что Эсхин, рассчитывая на неведение своих слушателей, фальсифицирует даже события 15—20-летней давности.

Предположение В. Ф. Гайдукевича (ук. соч., стр. 177), что в Нимфее были поселены афинские клерухи, подобно тому, как это имело место в Синопе, не находит подтверждения в источниках и поэтому может считаться лишь интересной гипотезой, которая могла бы быть принята только в случае подкрепления ее какими-то новыми убедительными доказательствами¹. К тому же аналогия с Синопой в данном случае не убедительна, ибо, как это отмечает и сам В. Ф. Гайдукевич, клерухи в Синопе были поселены после того, как афиняне с помощью военной силы свергли неугодного им тирана Тимесилая (Plut., Per., 20).

Однако несомненно, что Афины имели особые интересы в Нимфее, связанные с закупкой и экспортом боспорского хлеба в Афины².

До завоевания Левконом I Феодосии, т. е. как раз в интересующее нас время, Нимфеей был, очевидно, самым значительным после Пантикапея портом на европейском берегу Босфора. Страбон (VII, 4, 4) подчеркивает, что он обладает хорошей гаванью — *πόλις εὐλιμένος*. Кроме того, нимфейская гавань более доступна для морских судов в зимнее время, чем пантикапейская (С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 28). Поэтому естественным будет предположить, что именно через порт Нимфея экспортировалась в Афины часть закупаемой боспорской пшеницы. Об оживленности торговых связей Нимфея с Афинами свидетельствует и археологический материал³. В то же время Нимфеей был экономически тесно связан с Пантикапеем; он пользовался пантикапейской монетой⁴. Нет ничего удивительного в том, что в Нимфее мы встречаем афинян как представителей Афинского государства. Еще С. А. Жебелев предположил, что Гилон был, если не официальным, то полуофициальным представителем Афин в Нимфее (ук. соч., стр. 36). Нам кажется, что это предположение может быть подкреплено целым рядом соображений.

Подобную постоянную торговую агентуру, как нам представляется, имели и Спартокиды в Афинах. Мы усматриваем официальных или полуофициальных представителей Спартокидов в Афинах в тех «доверенных лицах»⁵ Сатира I, о которых сообщает Исократ (XVII, 38). В функции этих агентов могло входить наблюдение за производством торговых операций боспорских царей в Афинах, в частности, заключение торговых сделок от имени и по поручению боспорских царей. «Доверенные лица» Сатира I, проживающие (*ἐπιδημοῦντες*) в Афинах, были, повидимому, облечены царем полномочиями наблюдать и за деятельностью боспорцев, находившихся в Афинах по торговым делам (*κατ'ἐμπορίαν*) или просто путешествовавших (*κατ'θεωρίαν*) с образовательными целями (Isocr., XVII, 4). Нам кажется возможным предположить, что эти агенты Сатира I выполняли также функции дипломатических представителей боспорского царя при афинских властях.

Постоянных торговых агентов по закупке хлеба и сбыту афинских товаров имели и афинские купцы на Боспоре. Это известно из приписываемой Демосфену «Речи против Формиона» (XXXIV, 8). Интересно, что агент Хрисиппа, крупного афинского

¹ Взгляд на Нимфеей как на афинскую клерухию не является новым, ср. САН, VIII, стр. 565. Он подвергался критике со стороны С. А. Жебелева (ук. соч., стр. 33). Употребление В. Ф. Гайдукевичем термина «резиденты» для обозначения клерухов вряд ли можно признать удачным. —

² О связях Нимфея с Афинами в V в., может быть, свидетельствует и нимфейская надпись, опубликованная В. В. Латышевым (ИАК, 10, № 20), которая является посвящением Гармодию, скорее всего — героизированному в Афинах тираноубийце. Однако и эта надпись ни в коем случае не может свидетельствовать о зависимости Нимфея от Афин.

³ См. М. М. Худяк, СА, XVI, стр. 232, 279 и 281.

⁴ См. В. Скудниова, Два клада монет из Нимфея, ВДИ, 1950, № 4, стр. 78—79; ср. Д. Б. Шелов, К опубликованию двух кладов из Нимфея, ВДИ, 1951, № 1, стр. 263—264.

⁵ Дословно — «взыскивающих за Сатира» (*τοὺς ὑπὲρ Σατύρου πρᾶττοντας*).

купца, для которого написана речь, находится на Боспоре и в зимнее время, когда заморская торговля из-за неблагоприятных условий для плавания по Черному морю приостанавливалась. У Хрисиппа на Боспоре имеется несколько агентов. В речи упоминается также и сотоварищ (*κοινωνός*) агента Хрисиппа.

Естественно, что подобную торговую агентуру, может быть весьма многочисленную, ввиду регулярности торговых сношений должно было иметь на Боспоре и Афинское государство, тем более, что часть торговых операций могла производиться Спартокидами непосредственно с Афинским государством, минуя частных купцов.

Из речи Демосфена против Лептина известно, что у афинян всегда имелись деньги Левкона I (XX, 40). Это говорит о том, что часть торговых операций по закупке боспорского хлеба, очевидно, производилась в кредит¹. Это же явствует и из афинского декрета 346 г. до н. э. в честь сыновей Левкона I, где между прочим говорится, чтобы им были возмещены причитающиеся деньги, дабы они «не упрекали афинский народ»². Здесь должниками Левкона I выступают не отдельные афинские купцы, с которыми кредитных операций, очевидно, не производилось, а «афинский народ», т. е. Афинское государство. Причитающиеся деньги должны быть выплачены из государственной казны. Проздрав предлагается провести дело в первую очередь, сразу же после религиозных вопросов, так как Афинам, не имевшим возможности покрывать своим экспортом расходы по боспорскому импорту³, было чрезвычайно важно сохранить право покупки боспорского хлеба в кредит.

Эти свидетельства относятся, правда, к несколько более позднему времени, чем рассматриваемые нами события. Несомненно, во времена Левкона I торговый оборот Боспора с Афинами был значительно большим, чем в предшествующее время. Но нет никаких оснований сомневаться в том, что уже и в конце V в. до н. э. одним из контрагентов Спартокидов в хлебной торговле выступало Афинское государство. А если это так, то вероятно, что Афины имели на Боспоре целый штат торговых агентов, в функции которых, очевидно, входило и наблюдение за афинскими купцами, бывшими на Боспоре.

Хорошо известно, что Афины еще со времени правления Сатира I пользовались рядом привилегий при покупке боспорского хлеба (*Isocr.*, XVII, 57; ср. IG, II², 212). Они пользовались правом первоочередной погрузки судов и ателией. Но для того, чтобы воспользоваться этими правами, в каждом отдельном случае требовалось соответствующее разрешение от боспорских властей ([Dem.], XXXIV, 36). Очевидно, при этом необходимо было предъявить какое-то заверение в том, что хлеб действительно закупается для Афин. В противном случае Спартокиды потеряли бы контроль за хлебным экспортом и лишились бы значительной части, если не всех, таможенных доходов. Очень может быть, что подобные заверения выдавались купцам афинскими торговыми представителями, которые находились на Боспоре. Этот штат афинских торговых представителей и мог возглавляться в какое-то время Гилоном, избравшим своей резиденцией расположенный в непосредственной близости от Пантикалея порт Нимфей.

Что же касается заметки Кратера в передаче Гарпократиона, то из нее вовсе не следует, что Нимфей принадлежал к Афинскому морскому союзу и платил талант фороса. Гарпократийон пишет: *Ἀθηναίοις τὸ Νύμφαιον ἐτέλει τάλαντον* (s. v. *Νύμφαιον* = SC, I, 589). Талант чего? С. А. Жебелев полагает, что речь может идти о каких-либо неизвестных нам ближе сборах (таможенных или иных), которые Афины получали или получали из Нимфея⁴. Предположение С. А. Жебелева представляется

¹ См. С. А. Жебелев, Основные линии экономического развития Боспорского государства, ИОН, 1934, № 8, стр. 603.

² IG, 212 = Б. Н. Г р а к о в, Материалы..., № 3, стр. 53 сл.

³ См. J. V e l o s h, Zur Finanzgeschichte Athens, RHM, XXXIX (1884), стр. 40. ср. А. Л. Б е р т ь е-Д е л а г а р д, Относительная стоимость монетных металлов на Боспоре и Борисфене, НС, I (1911), стр. 7 сл. и 17.

⁴ С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, ИАН ОГН, 1930, стр. 812 сл., прим. 2; ср. о н ж е, Боспорские этюды, стр. 36, прим. 1.

не лишенным основания. Однако в настоящее время мы не можем еще дать ответа на ряд связанных с этим предположением вопросов и поэтому сознательно не касаемся их в настоящей статье.

Относительно «измены» Гилона соображения С. А. Жебелева (стр. 32 сл.) кажутся нам наиболее справедливыми. В самом деле, невозможно допустить, что при существовавшем в Афинах законодательстве потомки лишенного всех прав государственного преступника, да притом еще от брака с «варваркой», т. е. «незаконнорожденные», могли пользоваться в Афинах таким почетом и занимать такое положение, как это было с потомком Гилона — Демосфеном. Далее, могли ли Спартокиды, с которыми у Афин были наилучшие отношения, быть теми врагами (πολέμοι), которым Гилон предал (προόδοξε) Нимфей? Нам кажется, что здесь имеется непримиримое противоречие. Возражения К. Э. Гриневича¹, которые принимает и Д. П. Каллистов (ук. соч., стр. 29), что Сатир мог быть и был дружественным по отношению к Афинам, когда дело касалось хлебной торговли, и в то же время мог домогаться вырвать Нимфей у Афин, представляются поэтому малоубедительными.

У Исократ (XVII, 5) мы читаем, что Сатир I приказал своим доверенным лицам в Афинах потребовать у афинских властей выдачи сына известного Сопея, заподозренного в измене, в случае, если тот откажется добровольно подчиниться приказу царя вернуться на Боспор. Этого, правда, не пришлось сделать, так как в связи с изменившейся обстановкой сын Сопея вернулся на Боспор сам. Но для траpezита Пасиона не было никакого сомнения в том, что требование Сатира будет удовлетворено афинскими властями и они выдадут сына Сопея царю, если он откажется добровольно вернуться на Боспор и, вопреки приказу Сатира, останется в Афинах (Isocr., XVII, 6).

Трудно допустить, чтобы афиняне были столь благосклонны к Сатиру и согласились выдать ему боспорского государственного преступника, если бы тот же Сатир был их недавним врагом, захватившим афинское владение Нимфей и, более того, облаканным афинского государственного преступника Гилона². Ведь здесь речь идет уже не о сфере торговых отношений, связанных с хлебной торговлей. Здесь речь идет о политических взаимоотношениях между двумя государствами, о политических взаимоотношениях, несомненно дружественных³. Поэтому думается, что в данном случае сообщению Эсхина об «измене» Гилона следует предпочесть свидетельство самого Демосфена в речи против Афоба о том, что дед его Гилон был государственным должником⁴.

Повидимому, Гилон во время своей деятельности в Нимфее по снабжению Афин боспорским хлебом нанес родному городу материальный ущерб и был поэтому вынуж-

¹ К. Э. Гриневич, Оборона Боспора Киммерийского, ВДИ, 1946, № 2, стр. 162.

² Непонятно, почему Д. П. Каллистов (стр. 33—34) трактует известное место Исократ (XVII, 5) в том смысле, что Сатир заподозрил афинского коммерсанта в связях с боспорской оппозицией. Хорошо известно, что в речи говорится о том, что Сатир заподозрил в связях со своими политическими противниками сына Сопея, который был не афинским, а боспорским купцом. Не прав Д. П. Каллистов и называя сына Сопея ответчиком. В речи он выступает не ответчиком, а истцом, для которого и написана речь. Трудно согласиться и с противопоставлением Спартокидам на Боспоре «проэллинистического политического течения» (стр. 34). Получается впечатление, что Спартокиды выражали интересы негреческих, т. е. «варварских», элементов Боспора. Это, конечно, неверно. Спартокиды выражали в одинаковой степени интересы крупных землевладельцев и купцов как греков, так и негреков.

³ Из речи Лисия в защиту Мантифея (XVI, 4) известно, что Мантифей и его брат были отправлены отцом на жительство к Сатиру на Боспор «до поражения при Гелеспонте», т. е. до битвы при Эгос-Потамах 405 г. Это указывает на несомненно дружественные отношения между Афинами и Боспором как раз во время их предполагаемых раздоров из-за Нимфея.

⁴ См. С. А. Жебелев, ук. соч., стр. 32 и 36.

ден на время покинуть родину. Нет ничего удивительного в том, что он обосновался на Боспоре и был там принят на службу Сатиром, знавшим его, очевидно, как человека деятельного, который мог и ему, Сатиру, принести пользу.

Афины могли оказывать известное воздействие на боспорскую торговлю, так как в их руках был контроль над ключом к понтийской торговле — черноморскими проливами. Геллеспонтофилаки строжайше следили за хлебным транспортом; без их разрешения ни один корабль не мог войти в Понт и выйти из него. Во время побед Алкивиада в Геллеспоне в 411 г. до н. э. в Хрисополе им была учреждена таможня, где с кораблей, шедших из Понта, взимался 10%-ный сбор (Xen., Hell., I, 1, 22). Однако переоценивать влияние Афин на боспорскую торговлю не следует. Оно ущемляло главным образом интересы городов Эгейского района. Спартокиды же вступают в торговые сношения с Афинами как равноправная сторона. Об этом свидетельствуют и взаимоотношения между обоими государствами, которые остаются неизменно дружественными, начиная по крайней мере со времени правления Сатира I, на протяжении всего IV в. и даже позднее (См. Isocr., XVII, 58; ср. IG, II², 212 и 653).

Наконец, необходимо еще рассмотреть вопрос о взаимоотношениях Нимфея с Боспорским царством.

Нет никаких оснований предполагать, что Нимфей был включен в состав Боспорского царства лишь при Левконе I, т. е. не ранее 80-х годов IV в., как это делает М. М. Худяк¹. Литературные источники свидетельствуют, что Нимфей во всяком случае уже при Сатире I входил в состав державы Спартокидов. Однако надо думать, что он уже и в более раннее время находился в составе первоначального объединения городов, возглавленного Спартокидами².

Если бы Нимфей был завоеван Спартокидами, то это, несомненно, должно было бы найти отражение в их титулатуре, подобно тому, как это имело место после завоевания Феодосии, а также территории ряда местных племен. Нимфей в конце V в. был цветущим городом, который, если допустить, что он не входил в состав Боспорского царства, был серьезным конкурентом Пантикапея в хлебной торговле. В таком случае завоевание Нимфея было бы событием первостепенной важности, которое не могло не найти отражения в титулатуре царя. Этого, однако, нет. Очевидно, Нимфей входил в понятие «Боспор», так как он с самого начала возникновения Боспорского объединения был в его составе. Об этом же свидетельствует и отсутствие в Нимфее собственной чеканки монеты, за исключением весьма кратковременного периода на рубеже V и IV вв. Нимфей, как и прочие города Боспора, пользовался пантикапейской монетой.

Основываясь на том, что оборонительная стена Нимфея сооружена на разрушенных зданиях V в., М. М. Худяк приходит к выводу, что Нимфей в начале IV в. был разрушен Левконом во время его похода на Феодосию и включен в состав Боспорского царства³. Это предположение, однако, не находит подтверждений. Пока раскопки коснулись лишь небольшой части города, прилегающей к морю, преждевременно делать выводы касательно всего города. Что же касается нескольких открытых разрушенных зданий, то неизвестно, кем и при каких обстоятельствах они были разрушены. Возможно, причиной их гибели был простой пожар, может быть, они были снесены, так как мешали постройке оборонительной стены, или, наконец, погибли во время столкновения с каким-нибудь из местных скифских племен. Трудно предположить, чтобы такое событие, как разрушение цветущего города Нимфея Левконом, не нашло никакого отражения в источниках. Нимфей был не только значительным торговым центром, из которого в Афины экспортировалась часть боспорского хлеба. Он был уже в V в. до н. э. городом, имевшим развитое ремесленное производство⁴.

¹ М. М. Худяк, КСИИМК, XIII (1946), стр. 122.

² См. В. Ф. Гайдукевич, ук. соч., стр. 175; ср. С. А. Жебелев, Возникновение Боспорского государства, стр. 11.

³ М. М. Худяк, КСИИМК, XIII (1946), стр. 122.

⁴ М. М. Худяк, ТОАМЭ, I (1945), стр. 158.

Дальнейшее изучение взаимоотношений между Спартокидами, Нимфеем и Афинами в конце V — начале IV в. до н. э., возможно, даст новый материал для выяснения роли Нимфея в этот период и его взаимоотношений с Афинами и Боспорским царством.

И. Б. Брашинский

НАДПИСИ АРТАКСИЯ (АРТАШЕСА I), ЦАРЯ АРМЕНИИ

Среди памятников арамейского письма, найденных на территории СССР, число которых все время растет, одними из наиболее интересных и исторически значительных являются две каменные стелы, найденные невдалеке от Севанского озера¹.

История их находки и прочтения подробно изложена в специальной статье выдающегося семитолога А. Я. Борисова², которому по праву принадлежит первенство в деле связного чтения, перевода и исторического толкования их текста.

К 1934 г. относится первая попытка А. Я. Борисова прочесть надписи (по фотографиям). Однако ввиду неясности знаков на имевшемся в его распоряжении снимке А. Я. Борисов смог тогда только установить арамейский характер писмен и прочесть начало имени Артаксеркса (?) в первой строке надписи А; от чтения надписей целиком по этой фотографии А. Я. Борисов сознательно отказался. Лишь получив эстампажи с надписей, А. Я. Борисов предложил в 1939 г. полное чтение обеих надписей, но перевести решился лишь три строки надписи А и совпадающие с ними две с половиной строки надписи Б. Дату обеих он определял временем Артаксия (Арташеса I, 189 — ок. 160 гг. до н. э.), царя Армении, при котором Армения освободилась от владычества Селевкидов и стала самостоятельным государством.

А. Я. Борисов читал севанские надписи следующим образом:

А

1. ʔRTHSSY₂. MLK BR ZY 3. ZRYTR 4. RWNDKNḤLT³ 5. [.....]
1. Артаксий, 2. царь, сын 3. Зариатра 4. 5.

Б

1. [ʔR]THSSY 2. [ML]K BR ZY 3. [ZR]YTR ḤL[T] 4. ... BYN ...
5.Y.....
1. [Ар] таксий 2. [ца]рь, сын 3. [Зар]иатра ... 4. 5.

Последняя сохранившаяся строка текста А, по мнению А. Я. Борисова, чтению по-арамейски не поддается. По этой причине, а также учитывая нарушающую законы арамейского синтаксиса конструкцию MLK BR ZY ... (о чем ниже), он высказал предположение, что арамейские слова здесь — идеограммы, скрывающие несемитский язык, быть может — древнеармянский⁴.

¹ Первая (А) — на юго-западном побережье, у селения Кармир (б. Кулали) близ Нор-Баязета (найдена в 1906 г. Е. Лалаяном), вторая (Б) — в 30 км к востоку от места находки первой стелы, у селения Каранлух (б. Верхний Каранлух) б. Мартунийского района (найдена в 1932 г. С. Бархударяном).

² А. Я. Б о р и с о в, Надписи Артаксия (Арташеса), царя Армении, ВДИ, 1946, № 2, стр. 97—104.

³ Или DWNRKḤLT.

⁴ Уже после сдачи настоящей работы в печать вышла в свет монография К. В. Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении (II в. до н. э.—IV в. н. э.), М.—Л., 1953, одна из глав которой — «Две надписи арамейским письмом, найденные в районе озера Севан в 1906 и 1932 гг.» позволяет в настоящее время не останавливаться подробно на ряде вопросов, связанных с находкой севанских надписей, ограничиваясь ссылками на указанную монографию. В книге К. В. Тревер над-